

Оригинальная статья

УДК 338.2, 364.1

JEL I38, J14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437

EDN SFCFLH

Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости

Татьяна Сергеевна Соловьева¹, Андрей Васильевич Попов²

^{1,2} Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

¹ (solo_86@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>)

² (ai.popov@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>)

Аннотация

Демографическое старение является одним из главных вызовов для многих стран, в т.ч. и для России, поскольку влечёт за собой возрастающую нагрузку на системы здравоохранения, пенсионного и социального обеспечения, а также создаёт риски дефицита трудовых ресурсов. С другой стороны, появляется необходимость в эффективном использовании ресурсного потенциала старшего поколения для решения социально-экономических задач. В сложившихся условиях особую значимость приобретает переход от фрагментарных мер социальной политики к формированию целостной системы, направленной на объединение усилий различных стейкхолдеров в обеспечении благополучия пожилых людей. Цель данной статьи заключается в разработке концептуальной модели взаимодействия ключевых заинтересованных сторон по вопросам программирования благополучия старшего поколения. Исследование базируется на использовании концепций социального государства и благополучного старения, модели селекция – оптимизация – компенсация, экосистемного подхода с применением методов анализа, синтеза и концептуального моделирования. Эмпирическую основу составили данные социологического опроса населения и экспертного опроса основных акторов, которые могут влиять на достижение цели благополучной старости, проведённые в Вологодской области в 2025 году. Это позволило выявить значимость различных источников и направлений поддержки, реализуемых различными стейкхолдерами, а также оценить активность и эффективность работы ключевых организаций и акторов с пожилыми людьми. Ключевым результатом работы стала разработка концептуальной модели взаимодействия акторов в системе программирования благополучной старости, включающая уточнение принципов её построения, определение выполняемых акторами функций в зависимости от этапа жизненного цикла человека. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования предложенной модели для разработки и реализации мероприятий по совершенствованию социальной политики.

Ключевые слова: демографическое старение, благополучие, благополучная старость, социальная политика, система программирования благополучной старости, акторы, взаимодействие, концептуальная модель

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-78-10128. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Для цитирования: Соловьева Т.С., Попов А.В. Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 423–437. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437 EDN SFCFLH

RAR (Research Article Report)

JEL I38, J14

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437

A Conceptual Model of the Interaction between Key Actors in a Programming System for a Prosperous Old Age

Tatiana S. Soloveva¹, Andrei V. Popov²

^{1,2} Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

¹ (solo_86@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>)

² (ai.popov@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>)

Abstract

Demographic aging is a major challenge for many countries, including Russia. It places an increasing demand on healthcare, pension, and social security systems. Additionally, it poses risks of labor shortages. On the other hand, there is a need to effectively utilize the resource potential of older people to solve socio-economic issues. In this context, it is particularly important to shift from fragmented social policies to the formation of an integrated system that brings together the efforts of different stakeholders to ensure the well-being of the elderly. The aim of this paper is to develop a theoretical framework of interaction between key players in promoting the well-being of older people. The study is grounded in applying the welfare state and successful aging concepts. It employs the selection–optimization–compensation model and an ecosystem approach, utilizing methods such as analysis, synthesis, and conceptual modelling. The information base consists of data from a sociological survey of the Vologda Oblast population and an expert survey of key actors in a programming system for a prosperous old age, conducted in 2025. This made it possible to identify the significance of various sources and forms of support provided by different stakeholders, as well as to evaluate the performance and effectiveness of key organizations and actors working with the elderly. The main outcome of the project was the creation of a conceptual model of interaction between various actors in a programming system for a prosperous old age. This included clarifying the principles behind its design and determining the roles played by different actors at different stages of the human life cycle. The practical significance of the study relates to the potential use of the proposed model for developing and implementing measures to improve social policies.

© Соловьева Т.С., Попов А.В., 2026

Keywords: demographic aging, well-being, prosperous old age, social policy, programming system for a prosperous old age, actors, interaction, conceptual model

Acknowledgments: the reported study was funded by RSF within the scientific project no. 23-78-10128, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10128/>.

For citation: Soloveva T.S., Popov A.V. A Conceptual Model of the Interaction between Key Actors in a Programming System for a Prosperous Old Age. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):423–437. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_5_423_437 (In Russ.)

Введение

Глобальный процесс демографического старения является одним из главных вызовов для многих стран и регионов мира. На 2024 год средний показатель ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) достиг значения в 73,3 года, только за последние тридцать лет увеличившись на 8,4 года¹. Согласно прогнозам, к 2050 году численность людей в возрасте 60 лет и старше в мире составит порядка 22% населения², в России к 2046 году – 27%³. Это влечёт за собой ряд негативных социальных и экономических последствий, затрагивающих такие аспекты как: рост расходов на здравоохранение и социальное обеспечение, а также финансовой нагрузки на работающее население [1], возможное снижение производительности труда и ВВП [2], увеличение рисков социальной изоляции и эйджизма [3]⁴, и т.д. С другой стороны, старшее поколение является носителем профессионального опыта и традиций [1], может продолжать работать и вносить вклад в экономику [4], а рост его численности стимулирует развитие «серебряной» экономики и предпринимательства в сферах разработки продуктов и услуг для пожилых людей [5]. В то же время для получения позитивных эффектов необходимо, чтобы население достигало возраста старости, находясь в состоянии благополучия. В этом отношении представляется важным реализация широкого спектра различных направлений по обеспечению выполнения данной задачи средствами государственной и корпоративной политики, а также усилиями иных субъектов (некоммерческого сектора, научных и образовательных организаций и др.).

¹ Ageing: Global population // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/population-ageing> (дата обращения: 12.03.2026).

² Ageing and health // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения: 12.03.2026).

³ Демография // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.03.2026).

⁴ Discrimination and negative attitudes about ageing are bad for your health // World Health Organization: [сайт]. URL: <https://www.who.int/news/item/29-09-2016-discrimination-and-negative-attitudes-about-ageing-are-bad-for-your-health#:~:text=Recently%20published%20research%20shows%20that,data%20that%20influence%20health%20policies> (дата обращения: 12.03.2026).

Анализ исследований в области взаимодействия заинтересованных сторон в сфере благополучия пожилых людей показывает, что, несмотря на расширение внимания к данной тематике, большая часть работ являются фрагментарными и охватывают отдельные тематические направления. В работе [6] показано, что повышение качества услуг и их доступности для пожилых людей может быть достигнуто за счёт создания ими комплексной системы обслуживания (с вовлечением частного сектора, местного сообщества, органов власти), что упрощает координацию ресурсов и профессионального опыта. В Каталонии было проведено крупное популяционное исследование, направленное на оценку влияния межсекторального взаимодействия и мобилизации общественных ресурсов на поддержку пожилых людей и их психологическое благополучие [7]. В результате было выявлено, что проживание в районах с наибольшим количеством таких инициатив статистически значимо связано с более высоким уровнем социальной поддержки и психического благополучия. На основе сравнительного анализа кейсов стран Западно-Тихоокеанского региона (Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Австралия и др.) выявлены три модели межсекторального взаимодействия в вопросах здорового старения [8]: модель совместных усилий в рамках реализации конкретных программ, модель делегирования полномочий в процессе сотрудничества, модель расширения прав и возможностей (гибрид первых двух), обеспечивающая баланс между гибкостью и централизованным управлением. В одном из самых масштабных обзорных исследований международных рекомендаций в области активного и здорового старения на основе анализа 33 докладов ведущих мировых организаций за период 2008–2023 гг. предложено 14 межсекторальных стратегий: расширение доступа пожилых к качественным социальным услугам; повышение социальной и культурной включённости; поддержка тех, кто продолжает работать; создание условий для «старения на месте»⁵, преодоление

⁵ «Старение на месте» – концепция, связанная с возможностью для пожилых людей как можно дольше оставаться в своих собственных домах, сохраняя независимость, не переезжая в учреждения долговременного ухода [9].

социально-экономического неравенства и совершенствование законодательства и др. [10]. В ряде работ выделяются проблемы, затрудняющие процесс сотрудничества в данной сфере: нехватка человеческих ресурсов, рост рабочей нагрузки, законодательные и бюрократические ограничения, недоверие друг другу [11; 12] и т.д.

В России также делается акцент на необходимости развития межведомственного взаимодействия между поставщиками медицинских, социальных, волонтерских и иных услуг, поскольку различная ведомственная принадлежность приводит к снижению качества оказываемой помощи [13]. Однако зарубежные модели межсекторального взаимодействия, которые предполагают достаточно высокую степень вовлеченности бизнеса и некоммерческого сектора, далеко не всегда могут быть напрямую имплементированы в отечественную практику. Так, исследования показывают, что в части социальной поддержки населения в России сохраняется доминирование роли государства, патерналистские ожидания населения [14], наличие организационных и финансовых барьеров для некоммерческого сектора и социальных предпринимателей для вхождения в систему социального обслуживания [15] и др. При этом российская модель в данном контексте отличается тем, что бизнес и НКО зачастую выступают как субподрядчики при оказании государственных и муниципальных услуг, а не как равноправные партнеры [16]. Кроме того, исследования фиксируют невысокий уровень доверия населения к негосударственным акторам в социальной сфере [17]. В связи с этим при разработке подходов к повышению эффективности социальной политики в данной сфере важно учитывать обозначенные институциональные и социокультурные особенности.

При этом многие работы рассматривают ограниченное количество акторов (чаще – органы власти и некоммерческие организации) и недостаточно фокусируются именно на вопросах взаимодействия и сотрудничества. В этой связи перспективным представляется использование экосистемного подхода, который получает всё более широкое распространение в социальных исследованиях как перспективная рамка для анализа сложных многоуровневых систем [18]. В контексте настоящего исследования представляет интерес развивающаяся в зарубежной литературе концепция «экосистем, дружественных возрасту» (age-friendly ecosystems), активно формирующаяся в рамках инициатив Всемирной организации здравоохранения и предполагающая создание взаимосвязанной среды, объединяющей физическую, социальную, технологическую и политическую подсистемы для поддержки активного и здорового старения [19]. Ключевая идея за-

ключается в том, что благополучие пожилых людей не может быть обеспечено усилиями только одного сектора, поэтому необходима согласованная работа различных акторов. В отечественной науке также происходит переход к экосистемному видению социальной политики. Так, разрабатываются концептуальные основания «экосоциальной модели» социального государства и оказания социальных услуг [20], а также анализируются «серебряные экосистемы» образования для старшего поколения [21], экосистемы городских сервисов для пожилых граждан [22].

Объектом настоящего исследования является взаимодействие ключевых акторов системы программирования благополучной старости, а предметом – особенности направлений поддержки, реализуемых ими в данных целях. Цель работы заключается в разработке концептуальной модели взаимодействия основных заинтересованных сторон в вопросах программирования благополучия старшего поколения в России. Для её достижения в статье последовательно решаются следующие задачи: 1) краткий обзор базовых векторов социальной политики по обеспечению благополучной старости; 2) определение значимости различных источников и направлений поддержки, реализуемых различными акторами, оценка активности и эффективности работы ключевых организаций и акторов с людьми пожилого возраста; 3) концептуальное моделирование взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что в современной России преобладает государственно-центричный подход в вопросах обеспечения благополучной старости, что отражается на формировании патерналистского взгляда населения на источники поддержки в пожилом возрасте.

Теоретические и методологические основы

Ключевой предпосылкой для формирования методологического аппарата исследования выступает тезис о том, что благополучие в пожилом возрасте достигается путём комплексного улучшения среды, укрепления здоровья, обеспечения материального благополучия и вовлечения пожилых людей в жизнь общества. В данном контексте мы апеллируем к концепции социального государства, согласно которой обеспечение достойного уровня и качества жизни населения является основополагающей категорией, определяющей содержание социальной политики [23]. При этом в рамках своих полномочий социальное государство стимулирует деятельность государственного, частного и общественного секторов экономики в направлении достижения социальных целей, в частности, повышения качества жизни населения [24].

В качестве центральной парадигмы в настоящем исследовании используется концепция благополучного (успешного) старения, берущая начало в работах Д. Роуи и Р. Кана [25; 26], где в его модель были включены элементы профилактики здоровья, высокой когнитивной и физической работоспособности и активного участия в жизни общества. В нашем случае мы расширили спектр составляющих до пяти и, кроме физического, психического и социального благополучия, рассматриваем материальный и деятельностный компоненты [27]. Таким образом, под благополучной старостью понимается «состояние наиболее полного благополучия в старшем возрасте, которое детерминируется возможностями представителей старшего поколения оптимально реализовывать свой жизненный потенциал в экономической, социальной, социокультурной и личностной сферах жизни в соответствии с собственными интересами и с учётом наличия необходимых ресурсов и возможностей внешней среды» [27, с. 232]. При этом на микроуровне, для индивида, оно коррелируется с удовлетворённостью и реализацией в важных для него сферах жизнедеятельности, а на макроуровне (для общества в целом) – с эффективным использованием ресурсного потенциала старшего поколения для социально-экономического развития и характеризует результативность государственной политики по предоставлению условий для его реализации. Иными словами, благополучное старение анализируется не только как личный выбор человека, но и как результат воздействия институциональной среды, формирующей возможности для поддержания здоровья, занятости и адаптации к изменениям и т.д.

Значимым аспектом в этом отношении выступает положение о зависимости благополучного старения от индивидуального выбора и поведения индивида в процессе своего жизненного пути [28]. Из этого следует, что человеку заранее необходимо планировать свою старость и работать над тем, чтобы достичь её в состоянии благополучия. Программирование благополучной старости при этом основывается на эффективном использовании имеющихся ресурсов в соответствии с моделью СОК (селекция, оптимизация, компенсация), разработанной М. Балтес и П. Балтесом [29]. Согласно данной модели, благополучное старение предполагает проактивную стратегию: человек выбирает приоритетные сферы жизни, концентрирует в них ресурсы, максимизируя свои преимущества и компенсируя потери, что позволяет поддерживать оптимальное функционирование. При этом на этапе оптимизации важна мобилизация новых или неиспользуемых ресурсов, а на этапе компенсации – адаптация к изменениям.

Ключевую роль в создании условий для реализации такой стратегии играет государство, обеспечивающее доступ к необходимым ресурсам и возможностям компенсации. В то же время достижение цели благополучной старости для населения является комплексной многогранной задачей, возможности для решения которой только средствами государства ограничены, поэтому возникает необходимость вовлечения иных заинтересованных сторон. В этой связи представляется значимым применение экосистемного подхода к взаимодействию акторов в системе программирования благополучной старости. При его использовании делается акцент на взаимоотношениях акторов в определённой среде, способствующей достижению цели развития экосистемы [18], в данном случае – благополучной старости. Как уже было обозначено выше, исследования, в т.ч. и в России, преимущественно фокусируются на роли государственной системы, вследствие чего экосистемный подход не находит в них полной реализации, а роли других стейкхолдеров и характер их взаимодействия остаются недостаточно освещёнными. В настоящей работе предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы.

Эмпирическую базу исследования составили данные массового и экспертного опросов. Массовый опрос был реализован Вологодским научным центром РАН в январе-феврале 2025 г. на территории Вологодской области (N=1500 человек). Опрос проводился методом раздаточного анкетирования по выборке, репрезентирующей население региона по полу, возрасту и структуре расселения. В выборке было представлено 319 респондентов в возрасте 65 лет и старше, что позволило учитывать специфику оценок старшего поколения при анализе результатов. Экспертный опрос проведён в апреле 2025 г. среди представителей системы поддержки пожилых людей с использованием онлайн-сервиса Google Forms. Всего было сформировано 95 контактов потенциальных участников, по итогам опроса получено 44 анкеты, из которых 40 признаны валидными и использованы в анализе. В выборку вошли представители органов власти, социальных учреждений, частного сектора, научно-образовательных организаций и некоммерческого сектора из Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Башкортостан, Вологодской, Томской, Пензенской и Свердловской областей. Результаты опросов (в частности, показатели значимости различных источников и отдельных мер поддержки пожилых людей, активности и эффективности различных акторов в вопросах обеспечения благополучной старости, информированности населения о мерах поддержки со стороны разных акторов) использовались для диагностики текущей ситуации и обоснования необходимости разработ-

ки авторской концептуальной модели. Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием пакета статистических программ IBM SPSS Statistics. Основным методом анализа выступило распределение частот, в том числе в многомерных разрезах, что позволило выявить различия в оценках отдельных групп респондентов.

Результаты исследования и их обсуждение Социальная политика по обеспечению благополучной старости

В условиях демографического старения особую важность приобретает политика, направленная на повышение продолжительности и качества жизни граждан старшего поколения. Данный целевой ориентир заложен в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года⁶, что предполагает решение следующих ключевых задач: 1) укрепление в обществе ценности многопоколенной семьи, уважительного отношения к старшему поколению; 2) охрана здоровья граждан старшего поколения, профилактика заболеваний и факторов риска их развития, повышение доступности медицинской помощи для граждан старшего поколения; 3) создание условий для реализации личностного потенциала граждан старшего поколения и расширения их участия в жизни общества; 4) развитие социальных услуг для граждан старшего поколения; 5) повышение качества жизни и финансовой обеспеченности граждан старшего поколения; 6) развитие инфраструктуры для комфортной и безопасной жизни граждан старшего поколения. Реализация такого комплекса мероприятий в период 2025–2030 годов

в основном осуществляется в рамках масштабных национальных проектов «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь» (в период 2019–2024 годов также действовал проект «Старшее поколение»), при этом в работу вовлечены не только органы государственной власти разного уровня, но и общественные объединения, работодатели и другие акторы.

В связи с этим представляет интерес мнение населения о важности различных источников поддержки в пожилом возрасте (рисунок 1). Как показывают итоги опроса жителей Вологодской области, главенствующая роль отводится семье и родственникам вне зависимости от возраста респондента, что подчёркивает значимость ближайшего окружения в обеспечении благополучной старости. Далее идут медицинские учреждения, пенсионные и страховые фонды, от которых напрямую зависит качество жизни, особенно с возрастом. После друзей и знакомых следует государство, которое выбрали свыше половины (67%) опрошенных. Оно формирует общую институциональную рамку социальной защиты, поэтому закономерно относится к числу приоритетных источников поддержки в пожилом возрасте, хотя и не занимает лидирующих позиций, в т.ч. по сравнению с отдельными бюджетными структурами. Такое положение вещей может свидетельствовать о преобладании личной ответственности людей за собственное благополучие с поправкой на участие государства в предоставлении базовых услуг. Не случайно социальные службы – последний из источников поддержки в пожилом возрасте, отмеченных большинством респондентов.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о важности различных источников поддержки в пожилом возрасте, %

Figure 1. Distribution of Responses to the Question about the Importance of Various Sources of Support in Old Age, %

Источник: рассчитано на данных социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2025 г.

⁶ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 07.04.2025 г. № 830-р).

Согласно результатам опроса, в старости наименее значимыми в данном отношении являются церкви и религиозные организации; местное сообщество; частные компании, специализирующиеся на поддержке пожилых людей. Все они, безусловно, оказывают существенное влияние на благополучие старшего поколения, однако их роль не так заметна при сравнении с другими источниками. В свою очередь главными аутсайдерами общественного мнения по этому вопросу стали некоммерческие и благотворительные организации, а также работодатели и коллеги. В последнем случае многое объясняется фактом выхода на пенсию и разрывом прежних связей, что отражается в ответах пожилых респондентов. При этом и в более молодом возрасте опрошенные не делают особую ставку на поддержку со стороны рабочих кругов. Исходя из этого, можно сделать вывод о недостаточном развитии корпоративных программ, направленных на обеспечение достойной старости. Что касается некоммерческих и благотворительных организаций, то здесь на первый план могут выходить не только информационные барьеры, предубеждения людей и вопросы доверия, но и ограниченные возможности самих организаций, в результате чего они редко рассматриваются как надёжный механизм решения проблем.

Во всём многообразии мероприятий по поддержке благополучной старости обращает на себя внимание созвучие мнений старшего поколения и остального населения о важности различных источников поддержки. Одним из краеугольных

камней во всей этой дискуссии остаётся проблема пенсионного обеспечения (таблица 1). Несмотря на то, что в научной литературе всё чаще встречается тезис о том, что всё больше пожилых людей не интересуются пенсионным возрастом [30], значение пенсионных выплат как базового источника дохода в пожилом возрасте сохраняется. Более того, именно уровень и устойчивость пенсионного обеспечения во многом определяют степень экономической независимости и возможности поддерживать приемлемый уровень жизни после завершения трудовой карьеры. В этом отношении Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года⁷ предусматривает достижение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате. И если до 2022 года удавалось поддерживать такое соотношение⁸, то в последующие годы значение показателя снизилось до десятилетнего минимума – около 25%⁹. Подобные изменения повышают риски снижения уровня материальной обеспеченности пожилого населения и усиления зависимости его благополучия от иных источников дохода, включая продолжение трудовой деятельности и поддержку со стороны семьи. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость дальнейшего совершенствования механизмов пенсионной системы и поиска дополнительных инструментов обеспечения финансовой устойчивости и социальной адекватности пенсионных выплат.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о важности различных мер поддержки для обеспечения благополучной старости, %

Table 1

Distribution of Responses to the Question about the Importance of Various Support Measures for Ensuring a Prosperous Old Age, %

Меры поддержки, направленные на обеспечение благополучной старости	Население	
	18–64 лет	65+ лет
Высокий уровень пенсионного обеспечения, который позволяет покрывать необходимые расходы на жизнь	53,1	48,6
Льготы для пожилых на коммунальные услуги и проезд в общественном транспорте	49,8	48,3
Программы социальной помощи для малоимущих пенсионеров, такие как бесплатные обеды или обеспечение продуктами питания	45,0	43,8
Доступная и качественная медицинская помощь, включая бесплатное лечение и реабилитацию	47,3	43,0
Программы психологической поддержки и консультирования для тех, кто столкнулся с проблемами в старости (стресс, тревоги, одиночество)	38,2	36,5

⁷ Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 г. № 2524-р).

⁸ Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators // OECD: [сайт]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2021_ca401ebd-en.html (дата обращения: 23.03.2026).

⁹ Мануйлова А. Зарплата в четыре пенсии // Коммерсантъ: [сайт]. № 181 от 03.10.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7198661> (дата обращения: 23.03.2026).

Окончание Таблицы 1

Меры поддержки, направленные на обеспечение благополучной старости	Население	
	18–64 лет	65+ лет
Система долговременного ухода и программ поддержки семей с пожилыми родственниками, включая предоставление временного ухода и присмотра	37,0	35,4
Система социальных учреждений (например, домов престарелых), где пожилые люди могут получить необходимый уход и заботу на постоянной основе	36,7	35,1
Доступная транспортная инфраструктура, адаптированная под потребности пожилых людей	40,6	34,2
Культурные мероприятия для пожилых людей (клубы по интересам, встречи и пр.)	36,7	32,7
Льготные условия по программам кредитования для пенсионеров	37,0	30,7
Формирование в обществе положительного образа старости и пожилого человека	36,0	30,5
Система правовой помощи и защиты прав пожилых людей (юридические консультации, помощь в решении правовых вопросов)	33,2	29,5
Спортивные мероприятия и программы физической активности для пожилых людей	35,0	28,6
Программы адаптации рабочих мест под индивидуальные особенности пожилых людей; программы наставничества, а также отложенного выхода на пенсию	34,4	28,0
Проекты (государственные и волонтерские), направленные на социальную интеграцию и взаимодействие поколений	32,9	27,7
Специальные программы по обучению и переобучению для тех, кто хочет освоить новую профессию или повысить свою квалификацию	33,9	27,3
Борьба с дискриминацией по возрасту при приёме на работу и в других сферах общественной жизни	33,9	27,3
Социальные платформы и онлайн-сообщества для общения и взаимодействия людей	31,6	24,2

Источник: рассчитано на данных социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Благополучие населения», ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2025 г.

Материальная составляющая занимает центральное место в представлениях населения о благополучной старости, при этом речь идёт не только о размере пенсионных выплат, но и о более широком комплексе мер, направленных на поддержание базовой экономической устойчивости пожилых людей. К числу таких инструментов респонденты относят различные формы льготной поддержки, среди которых компенсации расходов на коммунальные услуги и транспорт, а также программы адресной социальной помощи малообеспеченным пенсионерам. Подобные меры, по сути, выполняют компенсирующую функцию, позволяя частично сглаживать ограничения, связанные с относительно невысоким уровнем доходов в пожилом возрасте. Одновременно значимое место в структуре представлений о благополучной старости занимают факторы, связанные с доступностью ключевых социальных услуг. В первую очередь это касается медицинской помощи, включая возможности лечения, реабилитации и поддержания здоровья в старшем возрасте. В условиях, когда потребность в медицинских услугах объективно возрастает, доступность и качество системы здравоохранения становятся одним из важнейших элементов социальной защищённости пожилых людей. В более широком смысле речь идёт и о развитии инфраструктуры поддер-

жки – системе долговременного ухода, социальных учреждений, а также различных сервисов, ориентированных на помощь пожилым людям и их семьям. В конечном итоге благополучная старость в общественном восприятии формируется как результат сочетания нескольких взаимосвязанных условий: достаточного уровня материального обеспечения, наличия механизмов социальной компенсации и доступности базовых услуг, необходимых для поддержания здоровья и повседневной жизнедеятельности. В совокупности эти факторы формируют основу социальной защищённости старшего поколения и во многом определяют возможности поддержания приемлемого уровня жизни после завершения трудовой деятельности.

Участие различных акторов в обеспечении благополучной старости

Принимая во внимание значимость политики государства, важно подчеркнуть, что достижение благополучной старости главным образом зависит от комплекса индивидуальных решений человека. Это может быть реализация траекторий на поддержание здоровья, профессиональную самореализацию, межличностное взаимодействие, активную жизнедеятельность и т.д. Все они не только имеют заметную вариативность в обществе, но и в силу объективных причин сужаются с

возрастом [31], в результате чего поддержка третьих сторон приобретает особую актуальность. В данном случае речь идёт о широком спектре организаций, которые напрямую или косвенно задействованы в обеспечении благополучной старости. К их числу относятся государственные и муниципальные учреждения, некоммерческие организации, а также частный сектор, предоставляющий социальные и медицинские услуги.

Результаты экспертного опроса показывают, что наибольшую активность в деятельности по поддержке людей старшего возраста демонстрируют комплексные центры социальных услуг, функционирующие на бюджетной основе, о чём свидетельствуют ответы 75% респондентов

(рисунок 2). В противовес этому аналогичные структуры из коммерческого сектора (8%) находятся в конце списка вместе с частными домами престарелых (3%) и бизнес-структурами, реализующими социальные проекты (15%). Такое положение вещей, по всей видимости, определяется фактором платности услуг для конечного потребителя. Этим же объясняются высокие позиции государственных и муниципальных служб, а также учреждений культуры (60 и 55% соответственно). При этом казённые дома престарелых (28%) играют менее значимую роль, что обусловлено их узкой специализацией на оказании профессиональной помощи конкретным категориям пожилых граждан.

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос об активности различных типов организаций в деятельности по поддержке людей старшего возраста и обеспечению благополучной старости, %

Figure 2. Distribution of Responses to the Question about the Activity of Various Types of Organizations in Supporting Older People and Ensuring a Prosperous Old Age, %

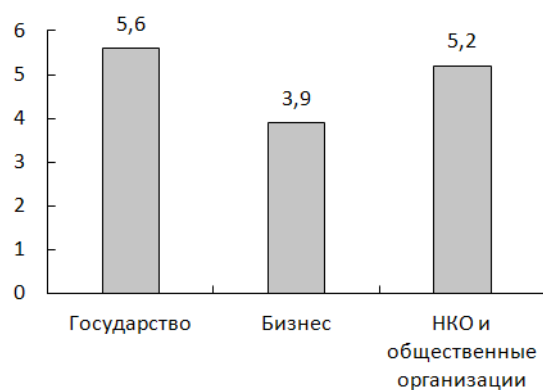
Источник: рассчитано на данных экспертного опроса по проблематике обеспечения благополучной старости, ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2025 г.

Примерно каждый третий эксперт отметил деятельность по поддержке людей старшего возраста со стороны волонтерских объединений и социально ориентированных НКО, а каждый четвертый – благотворительных и религиозных организаций. Подобного рода структуры фокусируются на решении социальных проблем, поэтому их активность оценивается выше бизнеса, который, несмотря на участие в создании общественного блага, преследует своей целью получение прибыли. В этом плане третий сектор занимает прочное место в системе социальной поддержки населения, выступая важным дополнением

к государственным институтам и обеспечивая адресную помощь пожилым людям. В то же время примечательно, что на активность специализированных медицинских учреждений с геронтологическим уклоном обратили внимание всего 20% опрошенных. Это может свидетельствовать о недостаточной видимости их деятельности в общественном поле или ограниченном уровне взаимодействия с целевой аудиторией.

Распределение ответов на вопрос об активности различных акторов в полной мере соотносится с оценкой эффективности их работы с людьми старшего возраста (рисунок 3). На первом месте

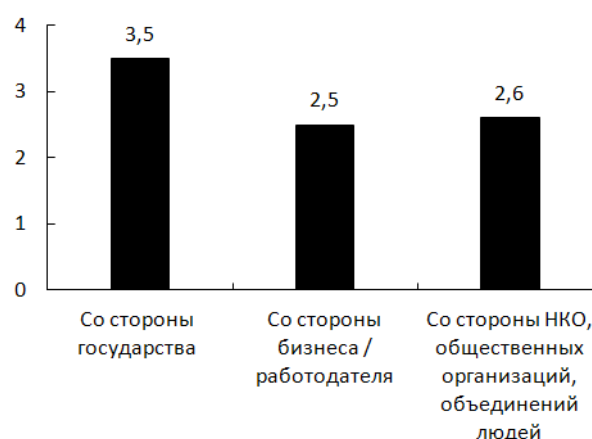
расположилось государство (5,6 балла), занимающее главенствующее положение в реализации социальной политики. Затем следуют НКО и общественные организации (5,2 балла), чей потенциал в обеспечении достойной старости, судя по предыдущим оценкам, далёк от раскрытия. Последние строчки рейтинга с весьма существенным отставанием занимает бизнес (3,9 балла). Предлагаемые им решения, по мнению

Рисунок 3. Оценка эффективности работы различных акторов с людьми старшего возраста, баллов (по 10-балльной шкале)

Figure 3. Assessment of the Effectiveness of Various Actors' Work with Older People, Score (on a 10-point Scale)

экспертов, демонстрируют сравнительно низкую эффективность на фоне крайне ограниченной вовлечённости в вопросы поддержки пожилого населения. В данном случае речь идёт не столько о формальных программах пенсионного обслуживания и сопровождения, сколько о корпоративной социальной ответственности, направленной на долгосрочное сохранение здоровья и занятости работников.

Рисунок 4. Оценка осведомленности людей старшего возраста о доступных им мерах поддержки со стороны различных акторов, баллов (по 5-балльной шкале)

Figure 4. Assessment of Older People's Awareness of Available Support Measures Provided by Various Actors, Score (on a 5-point Scale)

Источник: рассчитано на данных экспертного опроса по проблематике обеспечения благополучной старости, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025 г.

Другим немаловажным аспектом является осведомлённость людей старшего возраста о доступных мерах поддержки со стороны различных акторов (рисунок 4). Результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что основная информация поступает о возможностях, которые предоставляет государство. При этом оценка в 3,5 балла из 5 не позволяет судить о высоком уровне информированности. В этом плане ещё хуже обстоят дела с осведомлённостью о мерах, реализуемых НКО, общественными организациями и объединениями (2,6 балла), а также бизнесом и работодателями (2,5 балла). Отличия в оценках между ними не являются существенными, что представляет большой интерес, поскольку третий сектор находится заметно впереди по показателю эффективности работы с пожилым населением. Исходя из этого, не теряет своей актуальности необходимость преодоления асимметрии информации и поиска перспективных каналов коммуникации с целевой аудиторией.

Результаты анализа наглядно демонстрируют преобладание государственно-центричного подхода в вопросах поддержки людей пожилого возраста и обеспечения достойной старости. Государство сохраняет ведущую роль как основной поставщик услуг и координатор системы, тогда как потенциал других акторов реализуется далеко не в полной мере. Это проявляется в их сравнительно низкой вовлечённости, ограниченной видимости и недостаточной информированности населения о доступных возможностях поддержки. Таким образом, результаты эмпирического исследования позволяют выявить несколько системных разрывов в текущей практике программирования благополучной старости:

– разрыв между активностью государства и осведомлённостью населения о мерах поддержки: низкая осведомлённость пожилых граждан даже о государственных мерах поддержки при концентрации активности в данной сфере в государственном секторе.

– разрыв между активностью государства и эффективностью работы: высокая вовлечённость государства сочетается с умеренной оценкой его эффективности.

– разрыв в вовлечённости акторов: доминирование государства при недоиспользовании потенциала других стейкхолдеров.

– разрыв в информированности и эффективности работы негосударственных акторов: эффективность работы НКО и бизнеса оценивается существенно выше уровня информированности о них со стороны пожилых людей.

Сложившаяся ситуация указывает на фрагментарность существующей системы и необходимость усиления межсекторального взаимодействия. В этой связи актуализируется переход к более сбалансированной модели, основанной на распределении функций, партнёрстве и координации усилий различных акторов.

Концептуальная модель взаимодействия ключевых акторов системы программирования благополучной старости

Целевой установкой предлагаемой модели является достижение благополучной старости как состояния наиболее полного благополучия представителей старшего поколения, которое, с одной стороны, проявляется в удовлетворённости индивида значимыми для него сферами жизнедеятельности (микроуровень), а с другой – в эффективном использовании ресурсного потенциала старшего поколения для социально-экономического развития территории (макроуровень). Достижение подобного результата предполагает рассмотрение благополучной старости как процесса, охватывающего весь жизненный цикл человека. Основанием для выделения этапов жизненного цикла программирования благополучной старости выступает смена доминирующего типа активности индивида по отношению к ресурсам, что согласуется с концепцией СОК М. и П. Балтесов [29]. На раннем этапе (до наступления трудоспособного возраста) преобладает формирование первичных ресурсов (здоровье, образование, социальные навыки) и индивид преимущественно является их получателем. В данный период происходит становление базовых установок в отношении здоровья, образования, социальной и трудовой активности, а также финансовой грамотности. При этом формирование специальной мотивации молодого поколения в плане подготовки к старости не предполагается, а развитие соответствующих компетенций осуществляется как «побочный» позитивный эффект от решения актуальных для них задач (текущее управление бюджетом, поддержание здоровья, социальная успешность, самореализация). Зрелый этап (тру-

доспособный возраст) характеризуется доминированием накопления и оптимизации ресурсов (финансовых, профессиональных, социальных), а индивид выступает их активным производителем. Т.е. этот этап связан с накоплением различных видов ресурсов и профессиональной самореализацией при одновременном поддержании здоровья. На позднем этапе (пенсионный / старший возраст) ключевое значение приобретают адаптация к возрастным изменениям, использование накопленного потенциала и компенсация возникающих ограничений. В данном случае индивид является потребителем ранее аккумулированных ресурсов и получателем поддержки.

Модель характеризует включённость различных акторов на каждом из этапов жизненного цикла и основывается на ряде базовых принципов. К их числу относятся: *принцип проактивности*, предполагающий активную роль самого индивида в формировании собственной траектории старения; *принцип непрерывности жизненного цикла*, подчёркивающий, что инвестиции в благополучную старость начинаются задолго до её наступления; *принцип экосистемности*, ориентированный на согласованность и взаимосвязанность действий заинтересованных сторон; *принцип субсидиарности*, в рамках которого государство создаёт условия и компенсирует дефицит ресурсов, не подменяя функции других участников; а также *принцип селективной оптимизации и компенсации*, обеспечивающий возможность гибкого управления ресурсами на разных этапах жизни.

Реализация названных принципов предполагает дифференцированную роль акторов в зависимости от стадии жизненного цикла (таблица 2). Например, государство в лице органов власти сохраняет универсальное присутствие, обеспечивая институциональную основу и формируя базовую инфраструктуру, а также осуществляя координацию деятельности других сторон. Частный бизнес также активен на всех этапах: на ранних – обеспечивает повышение доступности ряда социально значимых товаров и услуг; на втором этапе – реализует корпоративные программы по поддержке здоровья, благосостояния, занятости и планирования пенсии; на позднем этапе – разрабатывает товары и услуги для пожилых, специальные финансовые продукты, адаптирует рабочие места, реализует социально ответственные практики (программы лояльности, скидки). Фокус деятельности НКО постепенно смещается с просвещения к представительству интересов, социальной интеграции и расширению доступности услуг. В свою очередь социальные службы играют наиболее значимую роль на позднем этапе, обеспечивая компенсацию возникающих потерь и практики долговременного ухода.

Таблица 2

Представленность различных акторов на разных этапах жизненного цикла программирования благополучной старости

Table 2

Representation of Various Actors in Different Stages of the Programming Life Cycle for a Prosperous Old Age

Этап жизненного цикла	Содержание	Ключевые акторы
1. Формирование ресурсной базы (1 этап)	Закладка фундамента: здоровье, образование, социальные навыки, культура ответственного поведения.	Государство / органы власти (образование, здравоохранение), семья, НКО (просвещение), бизнес и социальные предприниматели (повышение доступности услуг), сам индивид.
2. Накопление и оптимизация (2 этап)	Активное накопление ресурсов (финансовых, социальных, человеческих), профессиональное развитие, поддержание здоровья, формирование долгосрочных стратегий.	Бизнес (корпоративные программы), финансовые институты, государство / органы власти (пенсионная система), сам индивид.
3. Реализация и компенсация (3 этап)	Использование накопленного потенциала, компенсация возрастных потерь, поддержание качества жизни, социальная интеграция.	Социальные службы, НКО, учреждения культуры, бизнес и социальные предприниматели (товары / услуги), государство / органы власти, сам индивид.

Источник: составлено авторами.

При этом мотивы каждого актора дифференцированы. Так, в общем виде для государства доминирующим мотивом на всех этапах жизненного цикла выступает выполнение социальных обязательств и снижение долгосрочной нагрузки на бюджет, для некоммерческого сектора – реализация социальной миссии и восполнение «провалов» государственной системы. Мотивация бизнеса более разветвлённая: на раннем этапе – формирование будущего кадрового резерва, на втором этапе – повышение производительности и лояльности сотрудников, на позднем этапе – формирование позитивного социального имиджа, получение прибыли от реализации продуктов и услуг для пожилых.

Каждый из акторов реализует функции, в которых обладает наибольшей эффективностью, при одновременной компенсации «зон неуспеха» других участников. Такое взаимодействие реализуется через различные формы межсекторного партнёрства, в т.ч. контрактные механизмы (государственный и социальный заказ), проектное сотрудничество (совместные программы, гранты), информационный обмен (единые платформы, мониторинг потребностей), а также кооперацию на уровне территории (координационные советы, кластеры). Всё это осуществляется в рамках определённой среды, представляющей собой совокупность взаимосвязанных условий и ресурсов по обеспечению программирования благополучной старости. В её структуре можно выделить четыре ключевых компонента: институциональный (нормы, правила, законы, стратегии, стандарты, регулирующие деятельность всех акторов), инфра-

структурный (физическая и цифровая инфраструктура, обеспечивающая доступность услуг, мобильность и коммуникацию), экономический (ресурсная обеспеченность, финансовые потоки, рынки, доходы населения, инвестиционный климат), социокультурный (ценности, установки, стереотипы, традиции, общественное мнение, формирующие отношение к старению и пожилым людям). При этом взаимодействие акторов со средой носит двусторонний характер: с одной стороны, она создаёт ограничения и возможности для деятельности акторов, с другой – сама трансформируется под их воздействием.

Связующим элементом системы выступают ресурсные потоки, обеспечивающие её функционирование и развитие. Акторы участвуют в создании, распределении и обмене ресурсами, среда выступает их источником и каналом циркуляции, а индивид находится в центре этих процессов, накапливая и используя ресурсы на протяжении жизненного цикла. Ключевыми выступают финансовые, человеческие, инфраструктурные, информационные, социальные и личностные ресурсы, совокупность которых формирует основу благополучия в старшем возрасте.

Предложенная модель может быть представлена в виде многослойной структуры, сочетающей спираль жизненного цикла и экосистемную логику взаимодействия. В центре находится индивид как ядро системы. Вокруг него разворачивается спираль жизненного цикла, отражающая последовательность этапов программирования благополучной старости. Следующий уровень образуют ключевые акторы (государство, бизнес, не-

коммерческий сектор, социальные службы и др.), чья роль и степень вовлечённости изменяются в зависимости от этапа. Внешний слой представлен средой, задающей институциональные, экономические, инфраструктурные и социокультурные рамки функционирования системы. Связи между элементами отражают движение ресурсов, межсекторное взаимодействие и взаимовлияние акторов и среды. Таким образом, в основе модели лежит сквозной процесс непрерывного программирования благополучной старости, при котором каждый этап жизненного цикла формирует предпосылки для последующего, а эффективность системы определяется степенью согласованности действий всех вовлечённых акторов.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в общественном сознании благополучная старость представляет собой комплексный конструкт, включающий не только материальную составляющую (достойная пенсия, льготы, адресная помощь), но и доступ к качественному здравоохранению, социальным услугам и инфраструктуре. С точки зрения источников поддержки в пожилом возрасте гипотеза, поставленная в исследовании, частично подтвердилась в плане доминирования государственно-центричной модели обеспечения благополучной старости, в то время как потенциал бизнеса и некоммерческого сектора используется далеко не в полной мере. При этом выявлено, что население также осознаёт ответственность за своё благополучие и надеется прежде всего на поддержку семьи и родственников. В результате преодоление сложившихся диспропорций лежит в плоскости перехода к устойчивой системе обеспечения благополучной старости, основанной на принципах экосистемного взаимодействия.

Интеграция различных теоретических концепций и эмпирически зафиксированных системных разрывов в практике обеспечения благополучной старости позволила разработать концептуальную модель взаимодействия ключевых акторов в системе программирования благополучной старости. Предложенная модель представляет собой систему, где проактивным ядром выступает индивид, а заинтересованные стороны (государство, бизнес, НКО, социальные предприниматели, учреждения культуры, спорта, здравоохранения, социальные службы) реализуют дифференцированные функции по формированию траектории благополучного старения на разных этапах жизненного цикла. Создание соответствующих условий обеспечивается институциональной, инфраструктурной, экономической и социокультурной средой. Концептуально модель является

многослойной структурой, позволяющей отразить непрерывность процесса программирования благополучной старости и экосистемную логику взаимодействия. Вместе с тем необходимо отметить, что данная модель носит концептуальный характер, а изучение вопросов интеграции целевых установок в системы образования, здравоохранения, социальной политики и т.д. для реализации проактивной стратегии программирования благополучной старости требует отдельного эмпирического исследования и составляет перспективу продолжения работы в данном направлении.

Научная новизна работы заключается в эмпирическом обосновании основных диспропорций в текущей системе поддержки граждан пожилого возраста, в частности, гиперконцентрации активности в государственном секторе при ограниченной вовлечённости бизнеса и некоммерческого сектора, разрыва между активностью и эффективностью деятельности государства, информационной асимметрии, которая ограничивает доступ старшего поколения к услугам, предоставляемым негосударственными акторами. В отличие от многих исследований, акцентирующих внимание на конкретных направлениях поддержки или отдельных участниках, в работе предложена концептуальная модель, связывающая процесс достижения благополучной старости с этапами жизненного цикла человека, моделью селекции-оптимизации-компенсации и дифференцированной включённостью акторов, что способствует переходу от государственно-центричного её характера к экосистемному.

В качестве перспективы для дальнейших исследований можно отметить более углублённое изучение механизмов межсекторного взаимодействия и идентификацию лучших региональных/муниципальных кейсов в данной области, разработку методических рекомендаций по внедрению предложенного подхода в практику управления. Кроме того, представляется значимым рассмотрение вопроса о возможностях проактивного программирования благополучной старости в контексте распространения цифровизации в области предоставления государственных и негосударственных услуг, социальной и финансовой сферы, развитие технологий «умного» старения и т.д. Реализация данных направлений даст возможность не только углубить понимание механизмов и инструментов достижения благополучия в пожилом возрасте, но и может стать основой для разработки соответствующих мероприятий социальной политики, ориентированных на формирование экосистемы благополучной старости и эффективное использование ресурсного потенциала старшего поколения.

Список источников

1. Stoodley I., Conroy S. An Ageing Population: The Benefits and Challenges. *Medicine*. 2024;52(11):710-712. <https://doi.org/10.1016/j.mpmed.2024.08.013>
2. Lee H.-H., Shin K. Decomposing Effects of Population Aging on Economic Growth in OECD Countries. *Asian Economic Papers*. 2021;20(3):138-159. https://doi.org/10.1162/asep_a_00839
3. Paine N., Rachele J.N., Turrell G. Sociodemographic Characteristics and Social Exclusion Among the Oldest Old. *Australasian Journal on Ageing*. 2022;41(4):563-572. <https://doi.org/10.1111/ajag.13074>
4. Соловьева Т.С. Старшее поколение на российском рынке труда в зеркале официальной статистики // Управление устойчивым развитием. 2024. № 4(53). С. 61–69. https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_4_61 EDN XWVRDK
5. Васюта Е.А., Подольская Т.В., Ушаков Д.С. Age-tech – перспективное направление развития серебряной экономики в условиях глобального старения населения // Экономика труда. 2022. Том 9. № 10. С. 1591–1604. <https://doi.org/10.18334/et.9.10.116434> EDN WVVXSS
6. Wang H., Coyte P.C., Shi W., et al. Social Governance and Sustainable Development in Elderly Services: Innovative Models, Strategies, and Stakeholder Perspectives. *Sustainability*. 2023;15(21):15414. <https://doi.org/10.3390/su152115414>
7. Galvez-Hernandez P., Shankardass K., Puts M., et al. Mobilizing Community health Assets Through Intersectoral Collaboration for Social Connection: Associations with Social Support and Well-Being in a Nationwide Population-Based Study in Catalonia. *PLoS ONE*. 2025;20(3):e0320317. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0320317>
8. Yang T., Hagedorn A., Xu W., et al. Multi-Sector Collaboration to Promote Healthy Ageing: A Comparative Case Study of National Policy Responses in the Western Pacific Region. *Health Policy*. 2026;164:105501. <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2025.105501>
9. Григорьева И.А., Петухова И.С. Теоретический подход «Старение на месте» и возможности его популяризации в России // Успехи геронтологии. 2022. Том 35. № 5. С. 662–667. <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001> EDN YTUIPV
10. Caristia S., Viola E., Kalemli T. et al. Policies and Strategies on Active and Healthy Ageing: a Scoping Review of the Recommendations of European and International Agencies. *Frontiers in Public Health*. 2026;13:1712417. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1712417>
11. Kjellberg I., Szűcs S. Pursuing Collaborative Advantage in Swedish Care for Older People: Stakeholders' Views on Trust. *Journal of Integrated Care*. 2020;28(3):231–241. <https://doi.org/10.1108/JICA-01-2020-0001>
12. Poškutė V., Kazlauskaitė R., Matonytė I. Stakeholder Collaboration in Long-Term Care of Older People in Lithuania. *Health and Social Care in the Community*. 2022;30:193–202. <https://doi.org/10.1111/hsc.13389>
13. Актуальность межведомственного взаимодействия для формирования механизмов здорового старения / А.К. Хетагурова, О.В. Галиулина, А.П. Сиденкова, Е.С. Набойченко // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Том 26. № 2. С. 68–71. <http://dx.doi.org/10.18821/-869-866X-2018-26-2-68-71> EDN UXAKPQ
14. Парфенова О.А., Петухова И.С. Противоречивая роль государства и агентность пожилых в продлении занятости старшего поколения: реконструкция экспертных представлений // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Том 33. № 3. С. 51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-51-74> EDN JPKWK
15. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Том 19. № 1. С. 7–22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22> EDN UVJYKL
16. Ярская-Смирнова Е.Р., Бодрова О.А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Том 24. № 1. С. 45–78. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3> EDN RAEZKS
17. Романенко В., Сулимова А. Отношение жителей Санкт-Петербурга к сфере социального обслуживания населения // Журнал исследований социальной политики. 2023. Том 21. № 3. С. 433–448. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-433-448> EDN GYKHJN
18. Соловьева Т.С. Теоретические основы применения экосистемного подхода к развитию социальных инноваций на региональном (локальном) уровне // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Том 17. № 3. С. 421–446. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-3-421-446> EDN PEMTGS
19. Fulmer T., Dash K., Shue J. et al. Age-Friendly Ecosystems: Expert Voices from the Field. *Geriatrics*. 2023;8(4):8040068. <https://doi.org/10.3390/geriatrics8040068>
20. Демичев И.В. Экосистема социальных услуг и жизнедеятельность семьи в условиях цифрового перехода // Власть. 2022. Том 30. № 6. С. 65–70. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9346> EDN OBBLGE
21. Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И. Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Том 25. № 1. С. 168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181> EDN EVXDZC
22. Равчик М.И. Экосистема городских сервисов: исследование приоритетных потребностей в электронных услугах старшего поколения // Успехи геронтологии. 2022. Том 35. № 4. С. 615–627. EDN JKDEDI
23. Александрова О.А. Социальное государство: куда шло вчера, и что делать завтра // Народонаселение. 2022. Том 25. № 2. С. 6–18. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.1> EDN WPSOBF
24. Охотский Е.В., Боучарская В.А. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2012. № 5(95). С. 30–44. EDN OZLFNV

25. Rowe J.W., Kahn R.L. Human Aging: Usual and Successful. *Science*. 1987;237(4811):143–149. <https://doi.org/10.1126/science.3299702>
26. Rowe J.W., Kahn R.L. *Successful Aging*. New York: Random House; 1998. 265 p. ISBN 9780440508632
27. Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Том 17. № 2. С. 220–238. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12> EDN WTHBLB
28. Возрастной спектр субъективного благополучия: специфика положения пожилых людей / Т.С. Соловьева, Л.Н. Нацун, Ю.Е. Шматова, Г.В. Белехова // Успехи геронтологии. 2025. Том 38. № 6. С. 802–809. <https://doi.org/10.34922/AE.2025.38.6.001> EDN BQYKZA
29. Baltes P.B., Baltes M.M. Psychological Perspectives on Successful Aging: The Model of Selective Optimization with Compensation. In: Baltes P.B., Baltes M.M. (eds.). *Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences*. New York: Cambridge University Press, 1990. P. 1–34. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511665684>
30. Григорьева И.А., Колосова Г.В. Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми // Успехи геронтологии. 2021. Том 34. № 6. С. 919–927. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014> EDN GDOTKD
31. Белехова Г.В., Попов А.В. Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Том 18. № 3. С. 203–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.11> EDN MLHRLA

Информация об авторах:

Татьяна Сергеевна Соловьева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук

(SPIN-код: 9101-5219) (ResearcherID: I-8418-2016)

Андрей Васильевич Попов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук

(SPIN-код: 7650-7779) (ResearcherID: I-8785-2016)

Заявленный вклад авторов:

Т.С. Соловьева – постановка проблемы, концепция и дизайн исследования, критический анализ литературы, подготовка текста, формулирование выводов исследования.

А.В. Попов – концепция и дизайн исследования, подготовка текста, формулирование выводов исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Татьяна Сергеевна Соловьева.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 12.07.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Stoodley I., Conroy S. An Ageing Population: The Benefits and Challenges. *Medicine*. 2024;52(11):710–712. <https://doi.org/10.1016/j.mpmed.2024.08.013>
2. Lee H.-H., Shin K. Decomposing Effects of Population Aging on Economic Growth in OECD Countries. *Asian Economic Papers*. 2021;20(3):138–159. https://doi.org/10.1162/asep_a_00839
3. Paine N., Rachele J.N., Turrell G. Sociodemographic Characteristics and Social Exclusion Among the Oldest Old. *Australasian Journal on Ageing*. 2022;41(4):563–572. <https://doi.org/10.1111/ajag.13074>
4. Soloveva T.S. The Older Generation in the Russian Labor Market, as Reflected in Official Statistics. *Upravlenie ustoi-chivym razvitiem=Managing Sustainable Development*. 2024;(4(53)):61–69. https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_4_61 (In Russ.)
5. Vasyuta E.A., Podolskaya T.V., Ushakov D.S. Age-Tech as a Promising Direction for the Silver Economy in the Context of Global Population Ageing. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(10):1591–1604. <https://doi.org/10.18334/et.9.10.116434> (In Russ.)
6. Wang H., Coyte P.C., Shi W., et al. Social Governance and Sustainable Development in Elderly Services: Innovative Models, Strategies, and Stakeholder Perspectives. *Sustainability*. 2023;15(21):15414. <https://doi.org/10.3390/su152115414>
7. Galvez-Hernandez P., Shankardass K., Puts M., et al. Mobilizing Community health Assets Through Intersectoral Collaboration for Social Connection: Associations with Social Support and Well-Being in a Nationwide Population-Based Study in Catalonia. *PLoS ONE*. 2025;20(3):e0320317. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0320317>
8. Yang T., Hagedorn A., Xu W., et al. Multi-Sector Collaboration to Promote Healthy Ageing: A Comparative Case Study of National Policy Responses in the Western Pacific Region. *Health Policy*. 2026;164:105501. <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2025.105501>
9. Grigoryeva I.A., Petukhova I.S. Theoretical Approach «Aging-in-Place» and the Possibility of its Popularization in Russia. *Uspekhi gerontologii=Advances in Gerontology*. 2022;35(5):662–667. <https://doi.org/10.34922/AE.2022.35.5.001> (In Russ.)
10. Caristia S., Viola E., Kalemi T. et al. Policies and Strategies on Active and Healthy Ageing: a Scoping Review of the Recommendations of European and International Agencies. *Frontiers in Public Health*. 2026;13:1712417. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1712417>
11. Kjellberg I., Szücs S. Pursuing Collaborative Advantage in Swedish Care for Older People: Stakeholders' Views on Trust. *Journal of Integrated Care*. 2020;28(3):231–241. <https://doi.org/10.1108/JICA-01-2020-0001>

12. Poškutė V, Kazlauskaitė R, Matonytė I. Stakeholder Collaboration in Long-Term Care of Older People in Lithuania. *Health and Social Care in the Community*. 2022;30:193–202. <https://doi.org/10.1111/hsc.13389>
13. Khetagurova A.K., Galiulina O.V., Sidenkova A.P. et al. The Actuality of Inter-Sectoral Interaction in Development of Mechanisms of Healthy Aging. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*= *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2018;26(2):68–71. <http://dx.doi.org/10.1016/0869-866X-2018-26-2-68-71> (In Russ.)
14. Parfenova O.A., Petukhova I.S. The Contradictory Role of the State and the Agency of the Elderly in Extending the Employment of Older Generations: Reconstructing Expert Perceptions. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya*=*Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2024;33(3):51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-51-74> (In Russ.)
15. Grigoryeva I., Parfenova O. Socially-Oriented NPOs and Social Enterprises as Drivers of Denationalization in Social Services: Barriers and Opportunities. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*=*The Journal of Social Policy Studies*. 2021;19(1):7–22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22> (In Russ.)
16. Iarskaia-Smirnova E.R., Bodrova O.A. Models of Legitimation of Non-Profit Organizations as Social Service Providers. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*=*The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(1):45–78. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3> (In Russ.)
17. Romanenko V., Sulimova A. Attitudes of St. Petersburg Residents Towards the Social Service System. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*= *The Journal of Social Policy Studies*. 2023;21(3):433–448. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-433-448> (In Russ.)
18. Soloveva T.S. Theoretical Foundations for Implementing the Ecosystem Approach to Social Innovation Development at Regional (Local) Level. *Ars Administrandi. (Iskusstvo upravleniya)*=*Ars Administrandi*. 2025;17(3):421–446. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-3-421-446> (In Russ.)
19. Fulmer T., Dash K., Shue J. et al. Age-Friendly Ecosystems: Expert Voices from the Field. *Geriatrics*. 2023;8(4):8040068. <https://doi.org/10.3390/geriatrics8040068>
20. Demichev I.V. The Ecosystem of Social Services and the Life of the Family in the Digital Transition Context. *Vlast'*=*The Authority*. 2022;30(6):65–70. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9346> (In Russ.)
21. Iarskaia-Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I. Silver Ecosystem of Education for the Benefit of the older Generation. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Sotsiologiya*=*RUDN Journal of Sociology*. 2025;25(1):168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181> (In Russ.)
22. Ravchik M.I. Ecosystem of Urban Services: A Study of Priority Needs for Electronic Services among the Older Generation. *Uspekhi gerontologii*=*Advances in Gerontology*. 2022;35(4):615–627. (In Russ.)
23. Aleksandrova O.A. Welfare State: Where it Went Yesterday, and What to do Tomorrow. *Narodonaselenie*=*Population*. 2022;25(2):6–18. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.1> (In Russ.)
24. Ohotsky E.V., Bogucharskaya V.A. The Social State and Social Policy of Modern Russia: Orientation to the Result. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*=*Labor and Social Relations*. 2012;(5(95)):30–44. (In Russ.)
25. Rowe J.W., Kahn R.L. Human Aging: Usual and Successful. *Science*. 1987;237(4811):143–149. <https://doi.org/10.1126/science.3299702>
26. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging. New York: Random House; 1998. 265 p.
27. Belekova G.V., Natsun L.N., Soloveva T.S. Prosperous Old Age: From Scientific Theories to the Fundamentals of its Programming. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(2):220–238. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12>
28. Soloveva T.S., Natsun L.N., Shmatova Yu.E., et al. Age Spectrum of Subjective Well-Being: The Specifics of the Elderly. *Uspekhi gerontologii*=*Advances in Gerontology*. 2025;38(6):802–809. <https://doi.org/10.34922/AE.2025.38.6.001> (In Russ.)
29. Baltes P.B., Baltes M.M. Psychological Perspectives on Successful Aging: The Model of Selective Optimization with Compensation. In: Baltes P.B., Baltes M.M. (Eds.). *Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences*. New York: Cambridge University Press; 1990. P. 1–34. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511665684>
30. Grigoryeva I.A., Kolosova G.V. Social Interactions in Long-Term Care. *Uspekhi gerontologii*=*Advances in Gerontology*. 2021;34(6):919–927. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014> (In Russ.)
31. Belekova G.V., Popov A.V. Age-Related Features of Preparing for old Age: Population Strategies in the Context of Implementation of State Programs for Older Adults. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2025;18(3):203–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.11> (In Russ.)

Information about the authors:

Tatiana S. Soloveva – PhD in Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 9101-5219) (ResearcherID: I-8418-2016)

Andrei V. Popov – Doctor of Economics, Lead Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 9101-5219) (ResearcherID: I-8418-2016)

Authors' declared contribution:

Tatiana S. Soloveva – problem statement, research concept and design, critical analysis of literature, text preparation, formulation of research findings.

Andrei V. Popov – research concept and design, text preparation, formulation of research findings.

The authors declare no conflict of interests.

The author responsible for the correspondence is Tatiana S. Soloveva.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 12.07.2026; accepted for publication 31.08.2026.